

УДК 316.752/.754

ББК 60.5

РОЛЬ ДОВЕРИЯ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реутов Евгений Викторович

*канд. социол. наук, доцент кафедры социальных технологий, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород*

THE ROLE OF TRUST IN SCIENCE

Evgeny Reutov

*candidate of sociological sciences, senior lecturer of
chair of social technologies of
Belgorod State University, Belgorod*

E-mail: reutovevg@mail.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и
Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных
организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-
31008 (рук. – Е.В. Реутов).*

АННОТАЦИЯ

Доверие способствует полноценной горизонтальной коммуникации в научной среде, формированию временных и постоянных научных коллективов. Размывание профессиональной идентичности в научной среде, являющееся следствием навязывания ей чуждых критериев и кадрового трансфера из других профессионально-корпоративных сред сужает поле эффективного взаимодействия в сфере научных исследований. Важным является доверие и в системе взаимодействия научного сообщества с институтами развития науки. Без него утрачивается целостность представлений о месте науки в развитии общества, системность в функционировании института науки.

ABSTRACT

Trust promotes a normal horizontal communications in scientific environment, formation of temporary and constant research teams. Washing out of professional identity in scientific environment being investigation of imposing to it of alien criteria and trained moves from other professional-corporate environments narrows the area of effective interaction in the domain of scientific researches. Important is trust and in the system of interaction of scientific community with the institutes of development of science. Without it

integrity of representations of the place of science in development of the society , systemic character in functioning of science institute is lost.

Ключевые слова: наука; доверие; профессиональная идентичность; корпоративная среда; профессиональная этика

Keywords: science; trust; professional identity; corporate environment; professional ethics

Профессионально-деловые отношения являются неотъемлемой частью жизнедеятельности большинства людей. Именно данная сфера оказывает решающее воздействие на вторичную социализацию и весьма значительное – на такие базовые установки индивида, как готовность/неготовность к сотрудничеству, конформизм/нонконформизм, способность/неспособность принимать на себя ответственность и, наконец, доверие/недоверие людям. Если доверие в сфере деловых отношений, бизнеса достаточно часто находило отражение в различных исследованиях, начиная с классической работы Дж. Коулмена [1] и заканчивая исследованиями начала 2000-х гг. [2; 3], то доверие в профессиональной среде организаций изучалось не так уж часто и, как правило, опять же, в контексте предпринимательской деятельности [4].

Между тем, сфера профессиональных отношений является актуальной для значительной части населения, работающего как по найму, так и в качестве фрилансеров, индивидуальных предпринимателей и пр. Наличие доверия в сфере профессиональных отношений является основой «позитивной» организационной культуры, трудовой кооперации, взаимозамещения профессиональных ролей. Отсутствие доверия, в свою очередь, не позволяет руководству организации развивать полноценное сотрудничество на горизонтальном уровне и препятствует формированию долгосрочных профессиональных стратегий. Хотя недоверие в профессиональных отношениях может иметь и позитивный эффект – оно катализирует конкурентные отношения между сотрудниками и усиливает вертикальную мобильность в организации. Последнее, впрочем, может оказывать и деструктивное воздействие на организационную культуру, дестабилизируя морально-психологический климат в организации и в корпоративной среде в целом.

Определенный уровень доверия в организации как по горизонтали, так и по вертикали необходим не только для повышения эффективности деятельности учреждения (предприятия) или обеспечения морально-психологического комфорта сотрудников. Доверие может способствовать выходу контактов между коллегами за пределы собственно профессиональной сферы, а значит – и увеличению объема их социального капитала. Финансовые, материальные, интеллектуальные, психологические и пр. ресурсы коллег становятся взаимно доступными. Например, по данным исследования мотиваций и установок рабочих предприятий промышленности, строительства и транспорта, полученным Социологическим центром РАГС, работа рассматривается значительным количеством респондентов как возможность устанавливать деловые и социальные связи, совмещая выполнение служебных обязанностей с неформальным общением с людьми, объединенными родом и сферой деятельности, общим или близким образовательным статусом, схожими личными и профессиональными взглядами и интересами. Контакты и общение в социально значимом окружении представляют ценность для 26% рабочих [5, с. 53].

Научная или научно-педагогическая среда еще более показательна в данном отношении. Так же как и предпринимательская активность, научная деятельность по своим социальным эффектам и текущим процедурам выходит за пределы организационной среды. Более того, внешние контакты являются неременным условием эффективности научной деятельности. Получение научного знания и еще в большей степени его трансляция связаны с выходом за пределы учреждения, членом трудового коллектива которого является тот или иной ученый. Тем более что само такое членство является достаточно условным в условиях академической мобильности.

Широкая сеть контактов с неопределенностью обязательств их участников по отношению друг к другу востребует развитие профессиональной этики, соблюдение норм которой во многом основано на доверии. Профессиональная этика представляет собой систему формализованных и неформализованных обязательств, добровольно принимаемых на себя участниками профессионального сообщества. Особенностью профессиональной этики как регулятора профессиональной деятельности является слабая представленность в ней механизма санкций – системы поощрений и наказаний

за следование социально-профессиональным нормам. Поэтому слабость или сила связей внутри профессиональной корпорации определяется во многом уверенностью ее участников в том, что другие следуют формальным и неформальным нормам. В задачи работы входит выявление наиболее проблемных зон в отношении доверия, формирующихся в сфере научной деятельности.

В научной и научно-педагогической деятельности можно выделить следующие сферы и отношения, в которых доверие в наибольшей мере подвергается эрозии.

Во-первых, это публикация результатов научных исследований. Получение нового научного знания всегда связано с заполнением существующих в когнитивной сфере лакун и пробелов. И далеко не всегда новое знание согласуется со старым. Поэтому в той или иной мере всегда новое знание является неочевидным для специалистов в данной сфере науки. И хотя возможность верификации научного знания является одним из основных критериев научности, на деле научному сообществу приходится доверять конкретному ученому, представляющему результаты своего исследования, в том, что он не сфальсифицировал и не подтасовал их.

Безусловно, в науке сформированы институциональные механизмы, способные элиминировать подобные ситуации. Выше было сказано о возможности верификации полученных данных. Для этого ученый, представивший результаты исследования, должен детально описать методы и приемы, позволившие ему получить их. Однако это далеко не всегда позволяет выявить фальсификации. Между документальным сопровождением исследования и реальными результатами всегда есть люфт, величина которого обусловлена степенью добросовестностью ученого.

От научного фальсификата оказалось незастрахованными даже такие серьезные институты, как журналы «Science» и «Nature». Именно в них были опубликованы статьи южнокорейского биолога У Сук Хвана и радиофизика из Германии Яна Хендрика Шона – лауреатов ряда престижных научных премий. Впоследствии статьи были отозваны, а все научные результаты признаны фальсифицированными. Характерно, что при расследовании ситуации с Я.Х. Шоном оказалось, что свои экспериментальные исследования он вел исключительно в одиночку, журналов не вел, а данные, которыми он пользовался при написании статей в престижные журналы, просто уничтожил [6].

Естественно, чем ниже уровень контроля, тем в большей мере получает распространение научный фальсификат. Огромное количество научных журналов, являющихся коммерческими предприятиями (и это относится не только к России), публикуют миллионы авторских листов научных текстов. Безусловно, научная новизна большинства этих текстов, по меньшей мере, сомнительна. Дискредитация большинства публикуемых результатов стала бы еще более очевидной, если бы все эти тексты кто-то читал, помимо их авторов и, иногда, редакторов. Формализация процессов научной деятельности, в особенности, связанной с получением грантов, создает стимулы для принятия количественных, но не качественных критериев научной активности. Совершенно очевидно, что количественное преобладание авторов научных текстов над их читателями ослабляет механизмы социального контроля. Этические же регуляторы в данных условиях, по большому счету, являются своего рода архаизмом, поскольку не подкреплены какими-либо санкциями в силу размывания профессионально-корпоративной идентичности в науке.

Вынесение же научного знания в публичную, внекорпоративную среду также в ряде случаев создает еще одну зону недоверия – общественности к науке и ученым. Несмотря на то, что в рейтинге доверия профессиям, по данным ВЦИОМ (октябрь 2013 г.), профессия ученого занимает первое место, опережая учителей, военнослужащих, врачей, священнослужителей и др. [7], это, скорее, отражает некий общий пиетет в отношении науки как чего-то высокого и требующего специальной подготовки. Когда же речь заходит об интересе к конкретным сферам научной деятельности, оказывается, что, за исключением медицины и, отчасти, технических достижений, он весьма низок. Так, физикой интересуются (ВЦИОМ, февраль 2013 г.) 6% респондентов, историей – 4%, психологией – 1% [8].

Доверие внутри участников научного сообщества размывается вследствие комплекса причин. В самом общем виде – это утрата корпоративной идентичности и присущего науке этоса. Происходит это под влиянием комплекса факторов, имеющих эндогенное и экзогенное происхождение. Экзогенные факторы состоят в навязывании научной деятельности несвойственных ей критериев, в том числе, экономических, идеологических и бюрократических, а также в самопричислении к профессиональной корпорации политических и бизнес-менеджеров. В этой ситуации объективность

научного знания, до наступления постмодернизма, являющаяся краеугольным камнем научной деятельности, утрачивает ценность. Единственным критерием становится успех, выраженный в статусно-репутационных (звания, премии, рейтинги и пр.) и экономических (увеличение финансирования) категориях. Привлекательность данных стимулов трансформирует и внутреннюю мотивацию ученых, для которых новизна и оригинальность полученных ими результатов утрачивает характер ценности. Соответственно меняется и субъективный смысл научной деятельности. Самое печальное состоит в том, что в такой системе ценностей происходит профессиональная социализация молодых ученых, которые, таким образом, в принципе, имеют немного шансов на интериоризацию каких-либо этических принципов.

Инкорпорирование в науку представителей других сфер деятельности с их логикой эффективности и результативности, но без представления об изначальном смысле научной деятельности, состоящем в приращении нового знания, еще сильнее деформирует корпоративную идентичность. Ко всему прочему оно является серьезным демотиватором квалификационной мобильности ученых и способствует снижению общего уровня научных кадров. Именно менеджеры в системе научных и научно-педагогических учреждений становятся референтной группой, задающей «правила игры». Соответствующий кадровый трансфер способствует распространению в науке таких элементов бюрократической субкультуры, как установка на упрощение социальных процессов, деформированный корпоративизм, имитационный характер социальных практик [9, с. 22-24]. Даже ряд диссертационных скандалов слабо поколебал позиции «менеджеров». «Все замешанные персонажи рано или поздно восстановят свою репутацию, хотя, возможно, и не в полной мере. Перспектива в результате кажется неутешительной: традиционные нравственные нормы, свойственные научной сфере, в конечном итоге приспособятся к ментальности российского чиновничества» [10, с. 24].

Так или иначе, но реальностью современного общества стала утрата сакральности научного знания. Правила игры в науке задаются извне, и далеко не всегда эти требования учитывают специфику научной деятельности. Реформа Российской академии наук является наглядным примером действия дирижистской концепции государства по отношению к науке. Процесс подготовки и реализации

реформы показал, как мало интересуют чиновников не только корпоративные интересы ученых, но и институционально-ценностная основа российской науки. Вместе с тем, проводимая реформа оставила равнодушными подавляющую часть российских ученых, работающих в университетах, да и в академических структурах. Реформа показала, что российская наука во многом утратила субъектность и способность генерировать и, главное, и поддерживать собственный этос. И что на самом деле ситуацию с взаимодействием государства и науки нельзя описать в простых терминах противостояния некомпетентных и злонамеренных чиновников и ученых, чьи знания и разработки не находят применения в условиях сырьевой экономики и неэффективного управления. Проблема гораздо сложнее по своему происхождению и проявлениям. Некомпетентности в данном случае хватает с обеих сторон. А уровень научных разработок далеко не всегда соответствует высоким стандартам. Другое дело, что те, кто ставят перед наукой новые цели и задачи, далеко не всегда обладают адекватным представлением об ее возможностях и ресурсах. Да и сами эти цели также зачастую имеют совершенно формальный, несодержательный характер – вроде включения российских университетов в сотню ведущих вузов мира или повышения индекса цитируемости российских ученых абсолютно во всех областях знания. Между тем, «объективная устремленность социогуманитарного знания на потребности внутригосударственного характера, формирование научной идентичности не вызывает сильного интереса зарубежных ученых, но крайне важна для обеспечения преемственности поколений исследователей, формирования целостной жизнеспособной системы в стране» [11, с. 53].

Неадекватность целей и инструментов их достижения формирует еще одну проблемную зону - недоверие к институтам развития науки, формируемым государством. К ним, в настоящее время относятся, помимо собственно Министерства образования и науки РФ и Высшей аттестационной комиссии, различные фонды и кооперации, в том числе, Российский фонд фундаментальных исследований и Российский государственный научный фонд, ОАО «Роснано», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд Борника), Российская венчурная компания и Фонд «Сколково».

РФФИ и РГНФ, существующие уже больше десятка лет, вполне зарекомендовали себя как институты поддержки российской науки, хотя и к их деятельности есть масса нареканий – непрозрачность процедур экспертизы выделения грантов, непредсказуемость «правил игры» и пр. Что касается институтов развития, созданных в последние годы - ОАО «Роснано» и Фонд «Сколково», то, по ряду экспертных заключений, они «работают и взаимодействуют друг с другом; не исключено, что есть очень успешные проекты, но при этом низка их видимость, как и нет публичных данных, по которым можно было бы достоверно судить о том, эффективны или нет отечественные институты развития» [12].

Очевидно, что институты развития науки, созданные государством, страдают общими с ним пороками – недостаточной эффективностью, непрозрачностью и коррупцией. Скандал в «Сколково», связанный с хищением бюджетных денег, а также с договорами на проведение фиктивных научных исследований, явно имел под собой не только политическую, но и криминальную подоплеку.

Недоверие к институтам развития науки, задающим правила игры, по большому счету, деформирует весь комплекс отношений в системе научной и научно-педагогической деятельности. Неправильно поставленные цели с некорректно выбранными инструментами их достижения формируют нормативно-ценностное рассогласование внутри профессионального сообщества. Деградация профессиональной этики еще в большей степени способствует утрате целевых ориентиров и критериев эффективной научной деятельности.

Итак, доверие в науке, как и в любой профессиональной деятельности, является неотъемлемым элементом формирования организационно-корпоративной среды. Доверие способствует полноценной горизонтальной коммуникации в научной среде, формированию временных и постоянных научных коллективов. Размывание профессиональной идентичности в научной среде, являющееся следствием навязывания ей чуждых критериев и кадрового трансфера из других профессионально-корпоративных сред сужает поле эффективного взаимодействия в сфере научных исследований.

Важным является доверие и в системе взаимодействия научного сообщества с институтами развития науки. Без него утрачивается целостность представлений о месте науки в развитии общества, системность в функционировании института науки.

Но вместе с тем, в научной деятельности есть ряд аспектов, в которых доверие не может быть априорной характеристикой отношений. В систему публикации и трансляции научного знания должны быть встроены механизмы контроля за качеством научного продукта.

Актуализация и институционализация профессиональной этики является одной из первоочередных задач, стоящих перед российской наукой. Без этого все структурные преобразования будут приводить лишь к усилению бюрократизации научной деятельности. Перманентное реформирование, не имеющее под собой ценностной основы, лишает науку субъектности – способности рефлексировать социальные, природные, технологические процессы и самостоятельно определять приоритеты исследовательской деятельности.

Список литературы:

1. Коулмен, Дж. Капитал социальный и человеческий [Текст] / Дж. Коулмен // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122-139.
2. Красавина, Р.А. Доверие как фактор устойчивости регионального малого бизнеса [Текст] / Р.А. Красавина // Вестник экономики, права и социологии. 2012. №1. С.66-70.
3. Трапкова, А.В. Доверие в российском малом и среднем бизнесе [Текст] / А.В. Трапкова // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 36-48.
4. Жаворонков, П.В. Доверительные отношения как фактор повышения экономических результатов предпринимательской деятельности фирмы [Текст] / П.В. Жаворонков // Креативная экономика. 2012. №3. С.63-67.
5. Голенкова, З.Т. Статусные характеристики рабочих России [Текст] / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социологические исследования. 2012. №12. С.50-56.
6. Громкие научные скандалы последних лет [Текст] // Независимая газета. 2013. 14 сентября.
7. Профессия «учитель»: положение педагогов на рынке труда [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114530> (дата обращения: 12.12.2013).

8. Интерес к науке: самые любопытные области знания, самые известные ученые [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=113680> (дата обращения 19.12. 2013).
9. Бабинцев, В. Субкультура бюрократии: приговор модернизации России? [Текст] / В. Бабинцев // Власть. 2013. №1. С.20-25.
10. Дмитриев, А. Аксиология научного скандала [Текст] / А. Дмитриев // Власть. 2013. № 6. С.21-24.
11. Васильев, А. Коллективная научная деятельность в России: сравнение эффективности отечественной и зарубежной форм организации [Текст] / А. Васильев, В. Марков // Власть. 2013. № 1. С.48-53.
12. Дежина, И. Институты развития: что известно об их эффективности? [Электронный ресурс] / И. Дежина. URL: <http://trv-science.ru/2013/04/09/instituty-razvitiya-cto-izvestno-ob-ikh-ehffektivnosti/> (дата обращения: 21.12.2013).